

Опасные
удовольствия

Яна
Розова

**Мост
над чёрной
бездной**

Опасные удовольствия

Яна Розова

Мост над черной бездной

«Центрполиграф»

2014

Розова Я.

Мост над черной бездной / Я. Розова — «Центрполиграф»,
2014 — (Опасные удовольствия)

Сбежав от беременной подруги, отставной сыщик Павел Седов поселяется в особняке богатой любовницы по соседству с ее мажористыми пасынками и падчерицами. Маясь от скуки, частный детектив решает заняться культурным досугом пятерых подростков – волейбол, походы, домашний театр. Выбирая в качестве материала для постановки «Ромео и Джульетту», Павел Петрович не предполагал, к чему могут привести игры в трагедию. Страшная находка, обнаруженная на заброшенном Немецкому мосту, разрушает курортную идиллию, ставит крест на безмятежном отдыхе. Следователю Седову предстоит вспомнить профессиональные навыки: рассекретить автора анонимных угроз и раскрыть череду убийств.

Содержание

Пролог	5
Мерзавец	6
Шляя под хвост	9
Секс-игрушка	11
Рай на земле	15
Пионервожатый Паша	19
Поход	22
Находка парашютиста	24
Невозвращение	27
Элли плачет	29
Пью за любовь мою!	31
Предложение, от которого нельзя отказаться	33
Проект Перцева	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Яна Розова

Мост над черной бездной

*Я – мост над черной бездной,
Я – свет над вечной мглой,
Неведомая лестница
Меж небом и землей.*

Густаво Адольфо Беккер

Пролог

На склоне Гродинской возвышенности, в глухом лесу, пересеченном широкой балкой, по дну которой струилась едва заметная, но веселенькая речка, стоял каменный мост. Кажется, это строение – артефакт таинственной погибшей цивилизации, Атлантиды, построенный великими людьми, зодчими, такими, каких больше на планете нет.

На спине виадука лежал человек. Его неподвижный взгляд был направлен в небо. Оттуда на человека поглядывал степной орел, парящий на потоке утреннего ветерка. Орел по случаю оказался над мостом, он держал путь в сторону степи, где в траве шуршали аппетитные суслики. Для орла тело человека ничем не отличалось от камня – не опасность и не добыча.

Ближе к вечеру в небе над мостом появилась другая птица – параплан. В отличие от равнодушного орла летящий на параплане мужчина к телу человека отнесся с гораздо большим вниманием. Спустя полчаса о находке уже знали в МЧС Гродинской области, а еще спустя час возле моста столпились люди.

Мерзавец

1

Паша открыл глаза. Перед самым пробуждением он видел во сне давно погибшую женщину, она рассказывала Паше какую-то чушь – про покупки, парикмахерские, правила в школе, в которой учится ее дочь. Она говорила что-то типа «Знаешь, тут почти как при жизни, те же самые магазины, „Дольчи и Габбаны“, машины, гаишники, суета сует. Зачем мы переходим оттуда сюда – непонятно. Вполне можно совместить...».

На этой части бреда Пашка и проснулся.

Комната, им увиденная, была большой, просторной и светлой. Одна стена в комнате отсутствовала, ее заменяли стекла, за которыми синело небо и зеленели кроны деревьев. Откуда-то доносился смех, кажется женский. А сам Павел Петрович Седов, отставной сыщик, алкоголик и мерзавец (это только с недавних пор), возлежал в пышной постели, голый, что было отражено зеркалом, закрепленным на потолке.

Он оставался лежать не шевелясь, глядя вверх, на худое, когда-то неплохо развитое тело тускло-рыжего человека со следами ожогов на руках.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату заглянула светловолосая женщина. Она близоруко прищурилась на Пашу, чем вдруг выдала свой возраст – далеко за сорок, а скорее и за пятьдесят. Впрочем, женщина пребывала в удивительной физической форме.

Женщина, видимо решив, что Пашка спит, пробежалась на цыпочках к раздвижной двери в гардеробную комнату. Назад блондинка вернулась тоже бегом, задержалась у двери, чтобы кинуть еще один прищуренный взгляд на лежавшего в постели, и выскользнула в дверь.

«Это Элли, – вспомнил Павел Петрович, – она привезла меня сюда из Курортного, от Яниной матери».

2

За три дня до своего пробуждения под зеркалом Пашка стал мерзавцем. Такая характеристика была абсолютно справедлива: только мерзавец, сделав своей девушке ребенка, сбегает в кусты.

«Это непревзойденное свинство», – сказал ему отец Сергей, давний друг и оппонент в спорах о происхождении мира. Он был прав, на этот раз возразить было нечего. И другу, и подруге Пашка мог привести в свое оправдание только одно: «Я предупреждал!»

Отец Сергей на этот аргумент ответил только укоризненным взглядом, дескать, что ты как дитё – знаешь ведь, что женщине от мужчины надо! А вот Яна на эту жалкую фразу ответила слезами, обвинениями нелогичными и неясными, а также угрозой «убить себя, если она никому не нужна».

– Яна, пойми, я неудачник и алкоголик, какие дети?! – взяв себя в руки, сказал Паша. – Яна, окстись, очнись, одумайся!..

– Это значит – аборт?! – Она выкрикнула эти слова и вдруг смолкла испуганно, опасаясь услышать «да».

Но он не смог этого произнести.

Яна была светом его жизни, который он не включал. Они были знакомы еще с детства, повзрослев, разошлись по разным дорогам, а несколько лет назад она появилась на пороге его квартиры с загадкой, которую он помог ей разгадать. И не ушла.

Еще тогда, в начале их отношений, Пашка говорил ей: найди себе нормального парня, не убивай на меня свои дни и годы, а она, упрямая, никого не хотела искать. Более того, Пашка ни разу не слышал от нее ни одного мужского имени в контексте ухаживаний или приставаний, она никогда не сравнивала его с другими, не хвалила перед ним ни одного мужчину, даже мужей подруг. Будто в мире только и был один принц – Павел Петрович Седов.

А ведь Яна была красоткой, что на Пашу всегда сильно воздействовало. Ей, стройной, длинноногой, природа подарила еще и красивые карие глаза, точеный носик, гладкую кожу. Несомненно, у нее были ухажеры, зачем только она зацепилась за этот обоженный пенек – рыжего алкоголика Седова?

Характер Яны был еще одним ее плюсом. Ласковая интеллектуалка с хорошим чувством юмора. Слабо тебе, Паша, жениться на такой? Да, ему было слабо.

Он уже проиграл свою главную битву, продолжать игру не имело смысла. Отец Сергей осуждал его за упадничество, он хотел от Паши: а) абсолютной трезвости, б) нормальной жизни со всякими целями. Паша смеялся, запасался алкоголем и не искал работы. Он надеялся, что водка плавно и в тумане поможет ему пораньше покинуть этот мир.

Однако в его плане постепенно вырисовывался жирный косяк. Стремясь к смерти от перепоя, наивный, хоть и не очень уже молодой, Павел Петрович не учел, что алкоголь при всей своей вредности до кончины доводит не каждого: необходима была предрасположенность к алкогольной зависимости, коварно прячущаяся в генах некоторых мужчин и женщин и проявляющаяся при определенных условиях. У Паши этого гена, этой предрасположенности или просто слабости к спиртным напиткам не было совершенно, а потому все его потуги спиться оказались безрезультатными.

Все, чего ему удалось добиться за несколько лет непросыхания, – искусства контролировать измененное сознание. Что делать с нажитым мастерством – Паша не знал, но догадывался, что, если бы он решил бросить свой план спиться до смерти, оно могло бы оказаться весьма полезным.

Но он, отчаянный упрямец, не оставлял свой план, вызывая в близких людях раздражающую заботливость.

– Гос-споди! – шипел Седов на морализмы отца Сергия.

Примерно того же, что и священник, требовала от Паши прекрасная Яна. Она спасала его, она верила, что ее любовь заменит Паше самопрощение. Ничто не могло переубедить эту замечательную женщину оставить все как есть. Яна готова была бороться за Пашку вечно, она не хотела даже в голову брать, что ее возлюбленный не отвечает ей взаимностью. Он понимал, что это свинство, и только надеялся, что Яна сама разлюбит его.

Вместо этого она забеременела.

3

После слов об аборте Паша вышел на кухню, резким движением распахнул холодильник, достал бутылку водки и сделал несколько глотков из горла, ненавидя этот вкус. Он надеялся, что водка ему чем-то поможет, но огненная вода опять подвела. Бывший сыщик не пьянел. Он сел за стол, поставив перед собой запотевшую бутылку.

– Паша, не пей! – попросила Яна. – Прошу тебя, давай поговорим.

– Я не могу, – ответил он.

Глаза у него в этот момент были злые, и Яна не знала, на кого он злится, хотя могла бы догадаться: в большинстве случаев он злился на себя.

Она спросила:

– А если мы поговорим немного позже?

Паша смотрел на водку, набираясь решимости снова ощутить ее мерзостный вкус.

В голове крутились пугающие мысли. Ребенок – это другая, самостоятельная жизнь. Он нуждается сначала в тепле и еде, а потом – в защите и воспитании. Ему надо дать силы, дать умение бороться с этим миром, чтобы он не проиграл, как его негодный папашка, свою главную битву. А Седов не знал, как это сделать.

Часто он думал, что его родителям очень повезло не застать своего сына в страшные дни после экзистенциальной катастрофы, они умерли раньше. Мать бы расстроилась, если бы увидела его в больнице, замотанного в бинты, а отец проклял бы его, услышав, что сын не хочет больше жить.

Яна позвала:

– Паша...

Он схватил бутылку, отпил из нее несколько глотков, глянул на Яну. Она плакала.

Ее слезы тут же перебили его злость, потому что и плакала Яна невероятно красиво: слезинки струились ручейками по замороженному лицу, затекали в уголки губ, капали с подбородка.

И тут Паша сдался, он согласился бы на все, что она хотела, а она захотела так мало:

– Паш, а если мы съездим к моей маме в Курортный, отдохнем, а потом будем решать, что нам делать?...

Шлея под хвост

В Курортном они оказались в пятницу вечером. Мать Яны, высокая полная женщина, очень домовитая, хозяйственная и приземленная в хорошем смысле этого слова, встретила дочь и потенциального зятя с деланой гостеприимностью.

Яна сказала Пашке, что мать о ее беременности не знает, но Седов считал, что эта дама знает про такие дела все. У него самого была тетка, сестра матери, она лишь только видела женщину и тут же выдавала о ней всю гинекологическую правду: «на третьем месяце, носит мальчика» или «шесть месяцев, девочка». И выражение румяного лица Софьи Владимировны свидетельствовало, что все она знала, иначе быть не могло.

А еще – считал прозорливый Павел Петрович – потенциальная теща его терпеть не могла, что было вполне справедливо. Неприязнь она маскировала панибратством, звала Пашку зятьком, зная, что его коробит от этого словечка.

И весь день Софья Владимировна кормила дочь и Пашку. Пашке она еще и предлагала выпить. Это делалось с целью показать дочери, что ее любимый – алкаш. Паша никогда не отказывал потенциальной теще, выпивал, но не пьянел ей назло. Иногда, желая порадовать Софью Владимировну, изображал пьяного – начинал петь дурным голосом или лез в драку со случайно забредшим соседом. Ему нравилось, что женщина покупалась на эти простенькие трюки.

Яна, разумеется зная, что Пашка разыгрывает скетчи, смеялась.

Несколько дней подряд в Курортном по ночам хлестали ливни. Они будили Пашу ранним утром, он вставал в жуткой тоске, с ощущением непереживаемости собственной жизни.

Днями Седов и Яна бесцельно бродили по Курортному. У потенциальной тещи они вели себя как счастливые влюбленные, но, сев в маршрутку, увозившую их из частного сектора в центр, переставали разговаривать. Седов делал вид, что озабочен исключительно вопросом, где бы что выпить, и теперь Яна не могла его разоблачить.

... На вечер среды Софья Владимировна созвала гостей. Оказывается, в Курортный приехала ее одноклассница, которая очень удачно вышла замуж и жила припеваючи. Для встречи с этой припеваючей Софья Владимировна созвала других своих подруг, напекла пирогов и пирожков, достала из подвала наливку.

Та самая удачливая одноклассница приехала к назначенному времени на красном «мерседесе»-кабриолете. Она быстро вышла из машины и демонстративно захлопнула дверцу движением стройного бедра.

– Элли! – воскликнула Софья Владимировна.

– Соня, девочки! – ответила гостья, улыбаясь во весь рот.

На фоне своих бывших подруг Элли выглядела невозможно молодой, что было как нож в горло каждой толстухе, сидевшей за столом Софьи Владимировны, и скрыть своей жгучей зависти они не могли. Досу же пытали ее о пластических операциях, объясняли ее стройность дорогими продуктами, которые она может себе позволить, делали выводы о том, что отсутствие забот приводит к отсутствию морщин. Элли шутила, улыбалась, сознавалась в том, что тратит на себя немало денег...

В разгар веселья Седов вышел покурить и тут услышал, как Яна, оставшаяся за столом со злобными клушами, отвечает на чей-то псевдособлезняющий вопрос:

– Он не пьет, он устроился на работу!

Пашка нахмурился: почему Яна так хочет выглядеть в глазах старых куриц счастливой мещанской невестой при благополучном женихе?

И тут ему под хвост попала шлея.

Вернувшись за стол, Павел Петрович завел отдельный разговор с красавицей Элли, включив свое обаяние на максимум. Полезное для сыщика качество нравиться окружающим Седов развивал в полевых условиях и краем глаза заметил – Элли злится на своих бывших приятельниц и не прочь отмочить нечто такое, что заставило бы их позеленеть от возмущения.

Около десяти вечера она сказала:

– Что-то я перепила, девочки! Как же я сяду за руль? – И обратилась к Пашке: – Вы не довезете меня до дому? А на обратную дорогу я вызову вам такси.

– Вызывай такси отсюда, Элли! – вмешалась Софья Владимировна. – Куда это он поедет!

– Я отвезу вас, – ответил Паша, глядя прямо в глаза Элли.

– Паша, ты пил! – напомнила Яна.

– Не так много, – возразил он.

– У тебя нет с собой прав!

– Есть.

Элли встала из-за стола. Вскочили и тетки, суетясь, отговаривая Пашу ехать, возмущаясь, в конце концов, его поведением! Яна смотрела на Пашу полными слез глазами.

Он сел за руль, Элли вальяжно разместилась рядом. Машина рванула с места. И до дома Элли, и до ее постели они оба добрались без временных потерь.

Секс-игрушка

1

Паша встал, нашел свои вещи – джинсы и черную майку, понюхал их и себя и решил, что хорошо бы принять душ, но еще лучше – смыться отсюда поскорее. Возможно, даже огородами. Одевшись, он подошел к стеклянной стене. Огородов тут не было. Был кипарисовый сад и бассейн с голубой водой, окруженный плетеными креслами и шезлонгами. Седов сдвинул прозрачную дверь и вышел на сине-белый узорчатый кафель.

Вода в бассейне ослепительно блестела.

Неожиданно раздался крик:

– Спасите!.. Помогите!..

Инстинктивно бросившись к воде, он увидел фонтан брызг, а в нем кого-то, бьющегося в панике; вокруг бассейна было пусто, раздеваться времени не было.

Спасая девушку, а тонула именно девушка, Паша получил от нее разок по зубам, но жертву на кафельный берег вытолкнул. Выбрался сам, поднял ее на руки и отнес на шезлонг. Утопленница молчала, тяжело дыша. Выглядела она лет на пятнадцать, хорошенькая, с длинными каштановыми кудрями и серыми прозрачными глазами.

– Ты как? – спросил он.

Вместо ответа она задала свой вопрос:

– Ты новый любовник мамы?

Видя, что с девушкой полный порядок, Паша снял майку и выжал ее.

– А ты кто? – Он решил поддержать традицию отвечать вопросом на вопрос.

– Я ее дочь. Спасибо, что спасли мою жизнь.

– А зачем в бассейн полезла, если плавать не умеешь?

Она встала с шезлонга:

– Вот зачем!

Разбежалась и прыгнула туда, откуда Паша ее только что достал. Ушла под воду – он сделал непроизвольное движение к бортику бассейна, – вынырнула и пошла кролем к противоположному борту. Вернулась без передыха, зацепилась тонкими руками за борт, обернулась к нему смеющимся личиком.

– Ну и зачем?... – снова спросил Седов, на этот раз с упреком.

– Скучно!

Паша еще не знал, что скука в этом доме была основополагающим понятием.

2

Домой в Гродин он возвращался на автобусе. До станции добрался за полчаса, одежда на нем за это время почти просохла. Денег в бумажнике хватило на билет, пирожок и платный туалет.

В автобусе он дремал, до дому добрался в сонном распаренном состоянии и остолбенел, увидев у подъезда красный «мерседес»-кабриолет. Элли сидела за рулем, читая толстую книгу.

– Я что, так хорош в постели? – спросил Пашка, прислонившись задом к теплому боку автомобиля.

Элли, снова свежая и молодая, сняла темные очки, улыбнулась.

– Я что, похожа на нимфоманку?

- Вы двести кэмэ преодолели, чтобы почитать в моем дворе?
- Ладно тебе! – Она рассмеялась. – Мне просто нужен мужчина. И что ты мне выкаешь?
- Элли, мне неудобно это говорить, но...
- Я слишком старая?

Паша покачал головой:

- Да и я не школьник. Просто Яна...
- Не стоит.

Она вдруг неуловимо изменилась, став похожей на балерину в годах, – вытянулась стрункой, опустила веки.

- Мне нужна помощь. Ты же частный детектив?

Паша закатил глаза, ибо о профессии своей предпочитал не вспоминать.

- Мне присылают письма с угрозами.

Насупившись, Седов повторил для Элли совет, который всегда давал в подобных случаях:

- Обратитесь в полицию.

– Я не могу. Мой муж – большая шишка, а в полиции живо раскопают, что это связано с другим мужчиной в моей жизни.

- А я, значит, не раскопаю!.. – изобразил обиду Павел Петрович, морща нос.

Элли рассмеялась.

– Ты раскопаешь, но мужу не скажешь, в прессу ничего не просочится, соседи будут спать спокойно, понимаешь? А я заплачу. Тебе же нужны деньги?

- Нет, деньги мне ни к чему.

- Тогда что?

- Покажи записку с угрозой!

- У меня ее нет, я уничтожала каждую, боялась, муж найдет.

Рассмеявшись, Пашка отлепился от машины и направился в сторону своего подъезда.

- Ну, тогда помоги мне найти мои мозги!.. – крикнула ему вслед Элли.

Седов вошел в подъезд, втянул носом воздух, посерьезнел. Поднялся на свой этаж, постоял у двери и сбежал по ступенькам вниз. Сбежал во всех смыслах. Было очевидно, что Яна не выдержала общества своей мамы после выходки «зятка» и вернулась. Причем приехала не в свою квартиру, а к нему домой, привезла упреки. В подъезде ощущался аромат ее духов, а крашенные панели сохранили следы от металлических уголков Яниной сумки. Паша легко вообразил себе, как с полчаса назад его беременная подруга, вся в слезах и теряя равновесие на каждой лестничной площадке из-за своей пузатой ручной клади, поднималась этаж за этажом.

Сейчас она накручивает себя, мечась по квартире, разъяренная мамочкиными сентенциями, и Пашка этой встречи не вынесет.

Красный кабриолет был на месте. Престарелые любовницы не так обидчивы, пришел к выводу рыжий сыщик.

- Ну что, поехали? – спросила Элли.

- Ты же понимаешь, что я не загощусь?

- Не собираюсь тебя удерживать.

«Садист и придурок, – обозвал себя Седов. – Будь я проклят!»

Машина тронулась с места.

- Как ты меня нашла? – поинтересовался Паша.

- Видела в твоём паспорте адрес, запомнила.

Элли умела удивлять.

– А почему тебя так зовут? Кажется, есть такая сказка – про девочку, которую унес ураган в волшебную страну...

– Ну, это не совсем моя история. – Ее смех звучал звонко и молодо. – Я родилась в Таллине, хоть мои мама и папа – русские. Мама у меня из глубокой деревни, вкуса – ноль, а Таллин ее с ума свел. Родилась я, и меня решено было назвать «по-таллински». Насколько я знаю, в моем имени нет ничего эстонского. Просто мама знала кого-то с таким именем в Таллине. Когда мне было три года, мы вернулись из Эстонии, и мама стала называть себя католичкой, дескать, привыкла к этой религии. И считала, что я тоже католичка, раз там родилась. Мама была с прибабахом, но она все равно была хорошей мамой.

– У тебя есть дети?

– Дочь... Ты ее уже видел.

– Тонущая русалка?

– Да, Наташка. Видишь, у меня вкус намного лучше!

Через двадцать минут «мерседес» развернулся на кольце перед развилкой, ведущей на три стороны света, и понесся в восточном направлении. Элли и за рулем напоминала балерину, на этот раз – в красной шкатулке.

В дороге Пашка пил пиво, надеясь утихомирить совесть. Через два часа, когда его состояние и вправду слегка улучшилось, кабриолет въехал в Курортный, еще через пятнадцать минут остановился у глухих металлических ворот дома Элли. Она посигналила – ничего не произошло. Она посигналила еще раз.

– Блин. – Элли взъерошила свои пепельные волосы. – Илюша у нас в облаках витает, влюбился в мою падчерицу, с ума сходит.

Створки ворот наконец-то разъехались, машина вкатилась во двор.

Так Паша стал мерзавцем окончательно.

3

Пашина жизнь в доме любовницы давала ему все для того, чтобы чувствовать себя комфортно. Комфортно и более того, ибо ему снова незаслуженно повезло с женщиной, оказавшейся рядом. Это везение было самой большой загадкой в жизни Павла Петровича. Почему такие милые, хорошие женщины выбирали его, было непонятно. Он обещал им одни неприятности, не располагал средствами, честно объяснял, что алкоголик и неудачник, а они все равно пригревали его на своей груди. Это было несправедливо, как и то, что единственная женщина, в которую он влюбился до потери сыщицкого инстинкта, не была с ним ни милой, ни хорошей. Такова жизнь, думал Пашка, подытоживая пустые умствования.

Дом Элли поразил Седова избытком жильцов, причем большинство из них едва вышли из подросткового возраста.

«Хотел сбежать от одного нерожденного ребенка, – усмехнулся про себя Павел Петрович, – а попал в детский сад!»

Он сильно путался в детях, выделив для начала из общей массы молодых загорелых тел – юношеских и девичьих – Наталью, дочь Элли.

Она тоже выделила его, взяв шефство над гостем в своеобразном, так сказать, формате.

– Это мамин знакомый, – представила она Седова немолодой женщине по имени Тамара, исполнявшей роль горничной, официантки и экономки.

– Это мамин бойфренд, – объяснила она нескольким парням, развалившимся на диване в гостиной перед телевизором.

Они были сводными Наташиными братьями и друзьями братьев, приехавшими погостить на курорт. Впрочем, парни предпочитали не оздоравливаться, а болеть за любимую команду с пивом и истошными воплями.

– Это мамина секс-игрушка, – сообщила Наталья девушкам примерно своего возраста, лежавшим у бассейна, – сводным сестрам и подругам.

Лица девушек были наполовину скрыты солнцезащитными очками, в которых отразился Пашка – малюсенький и кривоватый. Сестры и подруги Наташи осмотрели Павла Петровича с видом знатоков, но особенно придирались не стали.

– У вас анорексия? – спросила одна.

– Вы с Северного полюса приехали? – поинтересовалась другая.

– А ключик куда вставляется? – любопытничала третья.

Были и другие люди в доме – они работали в саду, чистили бассейн, привозили продукты, увозили мусор, но их Наталья просто не замечала и с ними Пашу не знакомила.

Вскоре Паша разобрался, что хозяйских детей в доме пятеро: трое женского полу – Наталья, Ульяна и Оксана, двое мужского – Захар и Гаврил. Гости же сменялись чуть ли не каждый день.

Братья и сестры внешне мало походили друг на друга. Старший брат Захар, например, был высоким блондином с тонким лицом, на котором постоянно цвела рассеянная, смущенная, нагловатая или вежливая улыбка. Его светло-русые волосы, стриженные под горшок, закрывали лицо, и он не спешил их убирать, словно прячась за ними. Говорил Захар тихо, уверенно и даже значительно.

Гаврил, в противоположность ему, был невысоким, широкоплечим пареньком с коротко стриженными черными волосами и красивыми голубыми глазами, с девичьими ресницами. При этом младший брат был довольно эмоционален, не стеснялся распускать руки.

У каждой из сестер имелся собственный образ. Рыжеволосая Ульяна считалась красавицей, Наташа – умницей, а самая старшая, крупная медлительная Оксана – взрослой и серьезной.

Элли объяснила своему случайному гостю, что муж в свое время начудил и наплодил наследников немереное количество. Будучи человеком ответственным, ни от кого из детей он не отказался, более того, всех усыновил и приютил. С матерями своих чад Эллин муж тоже сумел договориться. К сожалению, он человек занятой, крупный бизнесмен, и времени у него на исполнение родительского долга не остается. В материальных средствах для детей нет ограничения, но направлять их некому. Элли не может взять на себя ответственность за такое количество спиногрызов, она не нянька, а воспитатели и гувернеры от этих лоботрясов бегут, будто ужаленные, и что тут можно поделаться – непонятно.

Рай на земле

1

Так в Пашиной тусклой жизни начался один из самых странных периодов. Дом Элли вполне мог сойти за рай, только было совершенно непонятно – за какие заслуги сюда попадали? Эгоистка Элли – Седов не мог не замечать самых ярких деталей в сущности этой нежно относящейся к нему дамы – и толпа избалованных сопляков заслуживали скорее отрезвляющих жизненных проблем. Да и сам мерзавец Павел Петрович...

Тем не менее день у Паши начинался волшебным плаванием в бассейне. Он и не думал, как это шикарно – выбраться из теплой постельки и через полминуты уйти под воду с головой. Вынырнув с восторженным гиканьем, Пашка бежал в ванную, а потом просил у Тамары кофе и ложился на шезлонг.

Кофе он дополнял коньяком.

В то время, когда Павел Петрович наслаждался утром, хозяйка работала над собой. Она занималась с приезжавшей ежедневно тренершей пилатесом, фитнесом или йогой. Отработав свои ежедневные полтора часа, прихорашивалась с помощью парикмахера, косметолога, массажиста и многих других людей, так же, как и тренер, приезжавших в ее дом в дообеденные часы.

Обычно, закончив процедуры, Элли выходила к бассейну с фразой:

– Помолодела так, что хоть памперс покупай!

Это означало, что пора ехать в город – завтракать.

В первые дни было неприятно каждый раз ссориться с ней по поводу оплаты – Паше было не по себе: он не мог есть за счет женщины, с которой жил, но Элли нашла консенсус:

– Давай так: ты будешь моим шофером. У меня зрение слабеет (она, конечно, врала), мне уже опасно за руль садиться. Только вместо денег я буду тебя кормить и поить, идет?

– Чушь, – не согласился Паша.

– Тогда ты будешь возить не только меня, но и Тамару. Она ездит на рынки, в магазины и так далее, ее сопровождает наш охранник. Поэтому получается, что, когда он уезжает, мы остаемся беззащитны.

– Ладно. – Пашка понял, что Элли дает ему возможность сохранить лицо, а он только капризничает. – Буду осетинский пирог с сыром, салат с помидорами, пахлаву, чай с чабрецом.

После завтрака они с Элли гуляли по Курортному. Элли считала, что ей (для фигуры) необходимо больше ходить, а Павлу Петровичу было все равно, что делать.

Вернувшись домой, Элли уходила в студию. Оказалось, что она не балерина, а художница в хорошей форме. Элли писала только небо: облака, тучи, закаты, рассветы, радуги, громы и молнии, птичьи стаи, солнце, луну, звезды. По мнению Седова, она здорово наловчилась в своей теме, ему нравилось.

– Небо – это самое красивое на земле, – говорила она.

Кроме собственных работ на стенах ее мастерской висели репродукции с небесами – от рафаэлевской Мадонны, нисходящей с небес, до работ современных авторов, которые Паша видел впервые. Небеса утром, небеса в обед, небеса на закате.

Интересно, что почти всегда небо на картинах Элли выглядело так, как оно выглядит, если стать посреди широкого поля и закинуть голову.

– Ты рисуешь лежа?

– Вопрос дурацкий, но искренний, – рассмеялась Элли. – Я рисую стоя, просто поднимаю голову. Ты знаешь, что люди редко поднимают голову? А это очень полезно для шеи и не позволяет образовываться второму подбородку.

Картины Элли неплохо продавались. Она замечала по этому поводу:

– Гонорары откладываю себе на пенсию.

Кроме рисования Элли была занята чтением. Она любила дамские романы и классику.

В свои занятия Элли элегантно вкрапляла небольшие кофе-брейки. Без кофе, разумеется, а с коктейлем или, если день был прохладным, с крепким алкоголем. Благодаря этим коктейль-брейкам она поддерживала настроение и расслабляла мозг. Пашка с удовольствием разделял с ней такие минуты.

Природа одарила Элли еще одной милостью, кроме долгой молодости: пьянство ее не уродовало, она становилась просто забавной – звонко хохотала, любила весь мир. Для себя Паша заметил, что у пьяненькой Элли смешно краснели уши, и она об этом не знала.

К вечеру Седов со своей дамой выезжали в город на ужин, но на этот раз уже на такси, и оставались в Курортном до поздней ночи. Вечерами отставной сыщик выполнял свою ежедневную самоубийственную алконорму – он пил проклятую водку, надеясь, что она поможет ему заснуть и не проснуться. Элли позволяла ему это, считая, что пьянство просто Пашкина слабость, ничего больше. Объяснять ей, что она сильно ошибается, Седов не собирался. Он знал, что еще пара дней – и ему придется вернуться к Яне, так к чему откровения?

2

Время в доме Элли (если не иметь в виду саму Элли) не проводилось, а убивалось – при полном изобилии возможностей и тотальном отсутствии фантазии.

Сначала наивный Павел Петрович, которому в юности много чего хотелось, но мало чего могло по причине небогатой жизни, спрашивал у жарящихся на солнце изо дня в день девиц и смотревших телевизор юнцов: почему они сидят дома, когда можно заниматься разными интересными вещами – от парапланеризма и до кайтсерфинга? Почему они не путешествуют этим летом? Почему не играют в волейбол? Не едут на фестиваль рок-музыки?...

Молодежь пожимала плечами.

– Зачем? – удивлялся Захар. – Нам и тут хорошо! Куда-то ехать, что-то делать?... – Это было произнесено с утрированным выражением ужаса. – Зачем?!

– Ой, ну лень, – отвечала Ульяна, разглядывая ногти, что могла делать часами. – Ты знаешь, как это муторно – ездить куда-то! Моя мать меня все по заграницам таскала... Вот честно, Париж – это такая тоска! В магазинах то же, что и в Москве.

– Что ты такой занудный? – говорила Пашке в ответ на его «почему» Наташа. – Тебе не понять, как это – всю жизнь не знать ни в чем отказа!

В то же время мажоры изнывали от скуки. Это было что-то вроде эпидемии.

– Как-то скучно сегодня играют, – замечал кто-нибудь из Захаровых друзей, наблюдая за ходом футбольного матча.

– Ага, скучно, – поддерживал его другой.

«Скучно!» – доносился уже от бассейна девичий голосок. Это слово эхом неслось из комнаты в комнату, через двор, возвращалось назад в просторные комнаты...

Устав жалеть о чужих нереализованных возможностях, Павел Петрович цитировал Гоголя:

– Скучно на этом свете, господа!

3

Так как Элли подолгу бывала занята, Пашка развлекался по собственному сценарию: читал, загорал с девушками и смотрел футбол с пацанами. Это происходило в хорошие дни, а бывали еще и плохие – это когда братья и сестры, взбесившись от безделья, ругались между собой матом, будто биндюжники и уличные торговки, а то и развязывали гражданскую войну.

Валяясь у бассейна с девушками, погруженный в книгу, Седов пропускал разговоры о тряпках и сериалах мимо ушей, но часто, будучи единственным мужчиной поблизости, оказывался втянутым в споры девчонок о парнях.

– Павел, – обращался к нему кто-нибудь нежным голосом, – вот девчонки говорят, что мне надо бросить Димку, потому что он переспал с Машкой, а я его люблю.

– Не бросай, – отвечал он, продолжая читать.

– Но он же опять изменит!

– Тогда бросай.

– Но я его люблю!

– Тогда не бросай.

Остальные девицы закатывались смехом.

– Тебе жалко мне посоветовать что-то? – обижалась спрашивающая.

– Нет, но если ты спрашиваешь, бросать ли тебе изменившего парня, то, значит, можешь и пережить измену. То есть самоуважения у тебя ноль. А раз так – тебе годится любой вариант.

Как ни странно, его новым подружкам такая манера общения нравилась.

Из девчоночьей болтовни у бассейна он узнал, что возлюбленная охранника Илюши – Ульяна. Ульяна относилась к Илюше снисходительно, и не больше, а вот он сходил по ней с ума.

Устав от девичьего щебетания, Пашка брал в холодильнике пару бутылок пива и шел к парням.

Полоадить с парнями Паше было еще проще. Трансляции с футбольных ристалищ частенько становились фоном его долгих дней, посвященных самоедству и отчаянию. Невольно рыжий сыщик стал неплохо разбираться в игре, временами даже увлекаясь происходящим на зеленом поле. А в силу возраста и привычки выстраивать логические цепочки в любом информационном пространстве Паша стал уважаемой фигурой в сообществе болельщиков в доме Элли.

В плохие вечера все было иначе – мажоры начинали беситься: брат шел на сестру, сестра – на брата. Обычно начиналось так: из дома выскакивали братья с друзьями и набрасывались на девчонок. Часто это случалось в связи с победой или проигрышем команды, за которую болели парни. Причем все равно – радовались болельщики или сокрушались, и положительные и отрицательные эмоции высвобождались одним и тем же способом: мальчишки щекотали девчонок и сбрасывали их в воду, потом прыгали сами, брызгались на визжащих девиц, пытались сорвать купальники.

Если удавалось – перебрасывались мокрой тряпкой, дразня возмущенную жертву. На самом деле жертва скорее чувствовала себя польщенной. Заканчивалось все руганью и смехом, в общем, даже дружески. И все равно девочки традиционно мстили, но гораздо более изощренно и жестоко: подсыпали в пиво слабительное или перерезали кабель антенны, ведущей к спутниковой тарелке.

Такие выходки парни не спускали. Однажды ночью (мстя за перерезанный кабель) они отрубили все каблук на туфлях сестер. В другой раз (так они отреагировали на слабительное) дружно пописали в воду бассейна.

Девчонки поджигали их любимый диван – парни ломали лежаки, девушки поливали краской постиранные мальчишечьи вещи – парни воровали их косметику и размазывали всю,

до последней крошки, по плиткам двора. И так далее, до бесконечности. Свои действия мажоры сопровождали матом, а Паша терпеть этого не мог.

И все-таки поведение детей ограничивалось пусть эфемерными, но рамками.

Как и в каждом небольшом стабильном сообществе, в доме Элли имелась собственная мифология с богами, антибогами, прогнозами на будущее и объяснениями прошлого. Свою жизнь под опекой удаленного в пространстве родителя дети воспринимали как благо, самым страшным для них было изгнание из этого рая.

Захар упоминал один случай, когда непослушный сынок так разозлил папу, что он отправил бедолагу к матери в Пензу, и теперь тот сын работает (!) менеджером в автомобильном салоне. Известно было, что пензенца наказали за наркотики по наводке старшего сводного брата Артура. Еще, как рассказала Седову Ульяна, папа ненавидел педерастов и девическое курение. Если женщина курит, считал родитель, то она шлюха.

– Значит, – сделал вывод Пашка, – папа не любит и шлюх.

– Про это он ничего не говорил, – ответила Ульяна.

Пионервожатый Паша

1

Разобравшись в традициях и обычаях дома Элли, Паша решил не вмешиваться в жизнь мажоров. Кто он этим детям? Правильно, Эллина игрушка. И ему самому нет дела до воспитания мажоров, ему просто нужна пауза в пару недель, чтобы принять решение.

Но однажды Седов понял, что нейтралитет сохранить не удастся – он просто не может позволить этим детям разлагаться и дальше.

Случилось это утром. Не ранним утром, когда дом спал, а в то время, когда утро уже плавно растворялось в дневном солнце. Паша и Элли вернулись домой после завтрака в городе. Элли ушла в мастерскую рисовать небеса, Седов же вышел к бассейну, привлеченный неожиданными звуками – страстными стонами. На одном из шезлонгов копошились двое: парень и девушка. Они были голые, целовались.

Паша подскочил к парочке, подхватил с кафеля их тряпки и швырнул в них. Парень поднял голову, девушка обернулась. Это были Гаврил и Оксана.

– Оденьтесь! – приказал им Седов строго и отвернулся.

Они попытались дерзить, но он не стал слушать, а ушел в дом. Выпил у бара глоток коньяка, глянул сквозь стеклянные стены во двор – дети оделись, они были уже не одни. К бассейну вышли полные неги сестры, разлеглись в эротических позах на лежаках, о чем-то зашебетали.

Глотнув еще коньячку, Седов решил, что попытка инцеста была вызовом. Пара из Оксаны и Гаврила была странная: взрослая строгая девушка и мальчишка с бушующими гормонами. Свести их могла только скука, желание подразнить старших: а как вам это?

Со скукой следовало бороться.

После обеда Седов пригласил мажоров к бассейну.

– Я заметил, что у нас тут есть две команды – мальчишки и девчонки. Вы все не можете решить, кто из вас круче, а между тем есть метод выяснить это без потасовок и ругани. Предлагаю дуэль.

Гаврил вылупил на него глаза:

– Это чего?

– Объясняю. Дуэль двадцать первого века – это вам не драка до смертоубийства, это поединок воли. Вы станете соревноваться, а тот, кто заупрямится, начнет игнорировать свою команду и выпендриваться, будет признан проигравшим и покроет позором свой пол.

– Облюет полы, – подыскал аналогию Захар.

Мажоры рассмеялись, но Паша упрямо продолжил:

– Для начала пойдем в лес и проведем турнир по волейболу.

Все растерянно переглянулись.

– А мне идея нравится, – заявила Наташка. – Представляю, как заплачет Захарка: «Ой, я больше не могу, у меня ножки трясутся!»

– Ты первая заноешь! – бросил ей Захар. – Пошли собираться, парни! Сейчас они у нас попрыгают!

После обеда Паша, собрав молодежь под свои воображаемые хоругви, вывел их в лес, на ближайшую полянку. В волейболе победили мальчишки.

2

На следующий день Пашка придумал поставить спектакль, что больше понравилось девочкам. Они выбрали «Ромео и Джульетту», долго ссорились, деля роли. Парни же никак не хотели принимать в «этой фигне» участие. Сошлись на том, что Элли найдет для них тренера по фехтованию и они разыграют бои, без реплик. Потихоньку и члены братства увлеклись спектаклем, но главную роль ни Захар, ни Гаврил брать не хотели. Тогда на роль Ромео пригласили охранника Илью. Знал бы Паша, что случится чуть погодя, он бы заменил трагедию на комедию.

После спектакля, утомившись, Седов решил занять детей чем-нибудь попроще, причем таким делом, в котором сам пионервожатый мог бы не принимать активного участия.

Лучшей идеей в этом формате оказались сетевые компьютерные игры. У каждого мажора в доме и даже у гостей были собственные ноутбуки, нетбуки и планшеты. Дети почти не пользовались своими техническими возможностями, разве что сидели в социальных сетях или смотрели ролики на YouTube. Седов ввязал их поголовно в масштабную онлайн-игру в жанре фэнтези.

Как и обычно, на первоначальном этапе дети весьма лениво отнеслись к идее рыжего гостя Элли, но постепенно втянулись в его затею. Придумали себе персонажей, миссии, вникли в графику, ввязались в пару боев – и понеслось!

Не сказать, что Павел Петрович считал, что сделал особо полезное дело, организовывая развлечения для мажоров, но уровень молодой агрессии в доме снизился. Элли посмеивалась над ним, называя его пионервожатым и усатым нянем.

... Однажды днем Паша вошел в мастерскую Элли. Она говорила по телефону, стоя у мольберта и лениво касаясь кистью полотна. Паша подошел ближе. На картине он увидел предгрозовое небо с сизыми облаками, а Элли то там, то здесь ляпала желтые пятна.

– Нет, он не приехал... – говорила она в трубку, не отводя взгляда от своего творения. – Нет, не звонил. Не встречали, говорю же тебе!

На полотне появилось еще несколько ляпов, и Паша увидел тот эффект, к которому стремилась художница: небо, изнутри подсвеченное солнечным лучом, вдруг обрело глубину. Предгрозовые тучи и луч солнца – это было тревожно.

Элли завершила разговор, оглянувшись на Пашку.

– Выпьем?

Он хотел сказать ей, что потрясен, но передумал, заметив на лице подруги озабоченное выражение.

– Что-то случилось?

– Муж приезжает.

– Мне надо убираться?

– Обычно такие меры не требуются.

Она положила кисть на мольберт, прошла к столику, налила в бокалы вина. Паша присоединился к ней, взял свое вино, плюхнулся на диванчик.

– Обычно он в Курортный даже не приезжает, ему тут делать нечего. Дети сами едут к нему в Гродин, у него там квартира.

– А ты?

– А я остаюсь тут. На этот раз, правда, он по делу приезжает, у него суперпроект для нашего правительства. И вот должен был старший сын моего мужа Артур приехать заранее, подготовить тут кое-что, но он не появился.

– А что за суперпроект?

– Какую-то дорогу собирается чинить. Может, позвонить в милицию?

– Ты о пропаже Артура? Это самое правильное.

– Ой, ну его, – вдруг махнула рукой Элли. – Приедет еще!

Пашка пожал плечами и вышел во двор. У бассейна сегодня собрались все пятеро детей, они спорили:

– Вы, девчонки, слишком глупые, чтобы с вами разговаривать! – услышал Пашка голос Захара.

– Девочкам достается интеллект отца, – парировала Наталья. – Это научный факт. Ты хочешь сказать, что наш отец глупый?

– Ну, тебе, видно, ничего не досталось! – заявил Гаврил со смехом.

– А ты еще и истеричка! – ввернула Оксана. Видно, их краткий роман заглох, не набрав оборотов. – Ты плакал, когда наши в футбол продули!

– Дура!

– Баран!

Гаврил шагнул к ней с самым угрожающим видом, Наташка подошла к сестре.

Павел Петрович встал между противниками.

– Брек! Пойдемте в поход, я знаю одно интересное место.

Мажоры лениво согласились. Паша обернулся и увидел Элли.

– Охота тебе!.. – только и сказала она.

Поход

1

– Куда пойдем? – спросил Гаврил.

Братья и сестры уже переоделись в спортивные штаны, переобулись в кроссовки и собрались во дворе.

– Пойдем к Немецкому мосту! – объявил Седов. – Тут неподалеку есть одно место в лесу, очень красивое. Идем!

Паша пересчитал свой выводок и подал знак охраннику Илюше открывать ворота. Илюша сделал то, о чем его просили, не сводя влюбленных глаз с Ульяны. Она же, изображая взаимные чувства, молча удерживала его взгляд, но как только компания вышла за ворота, Ульяна отвернулась от ворот и сказала:

– Вот идиот!

Сестринство взорвалось смехом. «Сука!» – пробормотал Захар.

... В первый раз Паша увидел Немецкий мост несколько лет назад. Тогда Яна впервые привезла его к матери в Курортный, что было весьма неприятным путешествием. Под тяжелым взглядом Софьи Владимировны они оба чувствовали себя идиотами, поэтому старались больше времени проводить вне дома. Обошли весь Курортный, стали гулять по окрестностям, тогда-то Яна и привела Пашку к Немецкому мосту.

Увидев его, Седов обомлел. Ему показалось, что они попали на развалины Римской империи, – еще никогда Паша не видел вживую такой мощи, красоты и драмы, воплощенной в камне. Мост был трехарочный, на вид высотой метров десять, облицованный ракушечником. Теплый цвет камня в зеленой мрачноватой листве казался живым. Седов трогал шероховатую поверхность, поднимал голову, разглядывая аккуратную кладку арки над головой, и окол в пролет, дразня слабое эхо.

Уже дома в Гродине он полез в Интернет и разузнал, что ощущение трагичности этого места соответствовало истории постройки.

Прочитав на тему «немецких» мостов все, что нашлось в Сети и в книгах о Гродинской области, Седов процедил инфу, сделав краткие выводы. К 1916 году купцы станицы Малые Грязнушки построили железную дорогу, которая вела к Черному морю. Задумка эта была великая, потому что без дороги нет и торговли, а растущее грязнушкинское предпринимательство задыхалось, тупиковая ветвь дороги душила все попытки процветающей станицы превратиться в экономический центр, в город, наконец.

Прежде железку даже не пытались строить, потому что станица стояла на возвышенности и весь окружающий ландшафт был то гористый, то пересеченный речушками, то просто холмистый. И простую дорогу тут было непросто проложить, а уж железную – вовсе невероятно, обычной насыпью не обойдешься, железнодорожное полотно следовало пускать по мостам. Но наступил XX век. Многие малогрязнушкинские купцы бывали за границей, видели, что в Европе теперь строят сказочные дороги, прогресс в чистом виде, – грандиозные виадук с тоннелями, а по ним несутся вперед паровозы, кипит жизнь, богатеют люди. Захотели они и себе такое.

На проект нужны были деньги, тогда станичные купцы привлекли в качестве спонсоров крупные банки, продали часть акций богатым купцам и земледельцам. Получив финансовую базу для своей идефикс, они нашли немца-инженера, который и создал для них уникальный проект. Как в Европе – дорога шла то землей, то виадуками, по старинке каменными или ново-

модными железобетонными, ныряла в тоннели, некоторые из них длиной превышали километр, и выходила напрямиком к морю, пересекая на пути важнейшие российские железнодорожные развязки.

Закончив строительство, купцы преисполнились надежд. Они протоптали дорогу к покупателям зерна, фруктов, ископаемых! Теперь Малые Грязнушки разбогатеют, прославятся, будет это новый Париж, Париж на юге России, не меньше!

Кончилось все самым неудачным образом: началась революция. Во время Гражданской войны дорога сильно пострадала, а чинить ее никто не собирался, да и возить по ней теперь было нечего: голод, разруха. Потом большевики решили, что эта «железка» уже не понадобится, стали восстанавливать ветку, идущую в обход поникших Малых Грязнушек, а рельсы, шпалы и все, что можно было перетащить с грязнушкинской дороги, отправили на восстанавливаемые дорожные полотна. И даже когда в Грязнушках выстроили крупнейший в области химзавод и переименовали станицу в город Гродин (по имени одного из местных большевиков, который, кстати, также приложил руку к разрушению тех самых купеческих железнодорожных путей), дорогу не восстановили. Обошлись узкоколейкой от завода-гиганта к действующей ветке, вот и все.

Через сто лет, прошедшие с начала строительства грязнушкинской железной дороги, от нее остались только разрозненные артефакты: мостовые переходы и арочные виадуки, дренажные тоннели и несколько полубрушенных больших тоннелей, по которым когда-то грохотали поезда.

... Вот эту печальную историю Седов и рассказал по дороге мажорам, они выслушали, но интереса к сюжету не проявили. Вскоре за финалом истории пришел и конец пути. Слева от дорожки земля стала опускаться, приближалась глубокая балка. Еще через минуту деревья расступились, и Пашка со своим детским садом увидели желтоватую громадину моста с тремя сквозными пролетами – надгробный памятник чьим-то надеждам.

Кто-то из детей ахнул. Ульяна визгливо засмеялась.

Седов усмехнулся. То-то! Проняло!

Ребята ускорились, вышли на небольшую полянку, откуда мост был виден полностью. И остановились, удивленные. У моста суетились люди в куртках с надписью МЧС, сквозь деревья были видны машины с мигалками.

Такой активности пионервожатый никак не ожидал.

– Отдыхайте здесь! – повелел он.

Пересчитал детей и направился к мосту, не реагируя на посыпавшиеся вопросы, требования и комментарии.

Находка парашютиста

1

– А ты тут что делаешь? – Витя Калачев был все таким же круглым, крепеньким, как и прежде. Он встретил Пашку широкой улыбкой довольного жизнью человека. Звездочки на погонах свидетельствовали: Витя мог себе позволить хорошее настроение.

Они с Седовым не были близкими друзьями, Паша уволился из органов через месяц после начала Витиной карьеры, но Калачев один остался работать в полиции из всего седовского отдела, а так уж выходило, что против собственной воли Паше приходилось общаться с правоохранительной системой. В этих случаях он, чертыхаясь, звонил Вите.

Калачев был неприятен Паше своей преданностью структуре, где правда и справедливость были оформлены в приказы. Паше казалась убогой эта нацеленность на служебное продвижение, карьерный рост, стремление к привилегиям и возможностям, гарантируемым высоким чином. Витя же в свою очередь жалел Седова: как же это можно было отказаться от высокого предназначения, спиться и превратиться черт знает во что, несмотря на прежние успехи и хорошие профессиональные данные? Он вряд ли знал о причинах Пашкиного увольнения, однако догадывался, что Седова подвела лишняя чувствительность. Сам Виктор Калачев был убежден, что служба есть служба, внутри себя ее допускать нельзя, иначе твоя карьера, считай, спущена в унитаз.

– Привет! – Паша пожал пухлую ладонь приятеля. – Что случилось?

– Труп на мосту найден, самоубийство. Наш эксперт слезил наверх, обнаружил упаковку реланиума. Потерпевший умер часов десять назад.

Они стояли у опоры моста, наблюдая за тем, как спасатели спускали с моста чье-то большое тело на носилках. Из-под простыни, которым оно было накрыто, выглядывали гладкие носы белых мокасин.

– Черт, – сказал Пашка. – А я детей сюда привел!

– У тебя есть дети?

Седов полез в карман за сигаретами, буркнул:

– Не мои, чужие.

– Вон те?... – Витя указал на полянку. – Ничего себе дети! Лося.

– Дети, – повторил Паша, – и очень глупые. Им скучно жить.

– Да, ума не нажили.

Объяснять Вите ничего не требовалось, на службе он многое успел повидать: тринадцатилетние героиновые наркоманы, пятнадцатилетние проститутки, зараженные СПИДом, мужья, убивающие жен в пьяном бреду, женщины, превращающие в секс-рабынь своих малолетних дочерей. Жизнь бывает так жестока, что скука превращается в немислимую роскошь.

– Как зовут мертвеца? – спросил Седов.

– Артур Перцев, если по паспорту. Сейчас будем искать, кому сообщить.

– Сколько лет?

– Тридцать пять.

Извинившись перед другом, Пашка отошел в сторону и достал телефон.

– Элли, кажется, вашего Артура обнаружили в лесу мертвым.

Реакция любовницы его удивила.

– Да?... – В ее голосе мелькнуло сомнение. – Я тебе номер телефона мужа эсэмэской скину, ты передай его... ну, кому там надо.

Седов поступил так, как она сказала. Калачев удивился:

– Ты знаешь этого Артура? Ты знаешь его отца? А на самом деле как ты тут появился?...

На последний вопрос Паша мог ответить только одно: случайно. С тем и ушел.

Детям он выложил всю историю прямо на полянке, откуда открывался вид на мост. Они восприняли новость по-разному.

– А я не знал, что он приехал, – сказал Захар, смущенно улыбаясь.

– И я не знал, – поддержал его Гаврил.

– А как он умер? – спросила Оксана, которая училась на юридическом факультете.

– Предполагается самоубийство, – объяснил Паша.

– У него жена беременная, – заметила Ульяна. – Небось достала его окончательно, вот он и покончил с собой. А вообще его все терпеть не могли, наверное, он понял, что дальше так нельзя.

– Жалко папу, – вздохнула Наташа. – Папа больше всех его любил, потому что Артур самый взрослый и ответственный. Он нам его в пример приводил каждый раз, когда мы чего-то не то делали.

2

Вернувшись из похода, Паша отправился прямиком в мастерскую Элли, но ее там не нашел. Тогда он разыскал Тамару и выяснил, что Элли на пленэре, делает зарисовки «всяких тучек», как объяснила экономка.

– Эх, везучая она! – заключила женщина, размешивая в здоровенной кастрюле суп, сваренный для детей. – Я бы лучше эти тучки малевала да деньги пересчитывала, чем на кухне жизнь свою гробить!

Когда Пашка нашел Элли в яблонево́м саду, все так и выглядело: красивая дама наслаждается жизнью, ей повезло – не надо работать, а можно просто любоваться пейзажами. Однако мольберт оказался чистым, а кисточка сухой, мокрыми были только глаза Элли.

– Это из-за Артура? – спросил Седов.

Она покачала головой из стороны в сторону, словно делала упражнения для шеи. Потом решительно бросила кисть на вымощенную камнем дорожку и села на лавочку. Пашка присел рядом. Элли достала из-за лавочки бутылку бурбона, своеобразный рояль в кустах, поморщившись, отхлебнула и протянула Паше.

– Я Артура никогда особо не любила. Он мне чужой человек.

– Тогда что?

– Никита меня бросает.

Она всхлипнула, вытерла нос тыльной стороной руки, точно так, как это делают маленькие дети. Паша, сделав добрый глоток виски, вернул бутылку.

– Поженимся? – спросил он.

Она взглянула на него колюче и вдруг усмехнулась, догадавшись, что он пытается ее подбодрить.

– Ты настоящий друг, – ответила она. – Представь, он позвонил мне пять минут назад.

– А про смерть сына он знает?

– Знает, конечно.

– Это как-то связано?

– Нет. Разве что дело в характере Никиты. Он узнал, что Артур погиб, и, чтобы не утонуть в переживаниях, решил действовать, менять свою жизнь, переустраиваться, чтобы потеря не казалась такой болезненной. Он всегда так делает. Во время кризиса Никита потерял половину своего бизнеса – в его автомобильные салоны люди перестали даже заходить, не то что покупать дурацкие «геленвагены». И тогда он взялся строить этот дом, чтобы его дети летом не уезжали

к матерям, а он мог с ними видаться когда захочет. Растратил кучу денег, но расходы Никиту не волновали, он решил укрепить семью. И меня назначил главной нянькой.

– Просто для того, чтобы чем-то занять себя?

– У него, разумеется, было объяснение. Сказал, что все в этом мире непрочно, призрачно, а настоящее – это не заводы-пароходы. Настоящее – это потомки. Им надо дать все, чтобы они продолжили дело и сохранили твое имя в веках.

– И он дал им все, – иронично резюмировал Паша.

Элли посмотрела на него с удивлением.

– А разве не все? Ульяна в этом году начала учиться в Миланской школе моделей! Не потому, что красивая, а просто потому, что папа имеет деньги. Моя Наташка учится в Великобритании, а потом в Америку поедет. Она в России бывает только летом. Парни тоже за границей обучаются, в Кембридже, ты представляешь?! У них есть все, что им нужно, и даже больше. А по-твоему, он им чего-то недодал?

– По-моему, – сказал упрямый Седов, – он им внимания недодал! А в результате они дичают на глазах, еще немного, и окончательно взбесятся от безделья. Посмотри, ни у кого из детей нет собственных увлечений...

– А что им, марки собирать? – рассердилась Элли. – Мне кажется, ты вообще не имеешь права судить. Посмотри на себя – ты же ничего не имеешь, ничего не хочешь. Напиваешься ежедневно, и в этом вся твоя жизнь. Ты создавал когда-нибудь собственный бизнес? Отвечал за дело, за людей? Да что я говорю! Ты вообще не знаешь, что такое работа!

– Работа ради работы не имеет смысла, – туманно ответил Паша. Он взял у дрожащей от негодования Элли бутылку и сделал пару глотков, потом продолжил: – Работать надо для себя, для души – за деньги или за славу, но всегда только из интереса. У меня интересов в жизни нет, поэтому я не работаю. Но они были, эти интересы. Благодаря моим родителям. А уж почему эти интересы вдруг исчезли – это мое личное дело.

– У таких, как ты, всегда есть оправдания, – с презрением сказала Элли. – А как ты оправдаешь то, что бросил свою беременную жену?

– Я не ищу оправданий... – начал он, но Элли его перебила:

– Ты свободен!

Пашка встал. Он был рад, что все так получилось, – вполне естественно. Надо было возвращаться к Яне, надо было принимать решение.

– Спасибо, – сказал без иронии бывший сыщик.

Невозвращение

В Гродин Седов вернулся с тяжелым сердцем. Ему казалось, что для принятия решения потребуется только время. Он очень рассчитывал, что соскучится по Яне, что придет к простому и ясному осознанию того факта, что без нее его жизнь – растянутое во времени самоубийство – отвратительна. Жизнь не обязательно должна быть пронизана смыслом, как парча золотыми нитями, убеждал себя Пашка, пока ехал в автобусе. Все это чушь. Миллионы людей живут без всякого золота, просто живут, потому что родились и еще не умерли. Разве этого мало?

Но все в нем бунтовало против такого решения, и в итоге малодушие победило: Павел Петрович решил взять еще один тайм-аут – подумать. Правда, он и сам не знал о чем.

Ключ от своей квартиры он нашел в трещине деревянного подоконника. Это было секретное место, в котором они с Яной оставляли его, потому что ключ давно осиротел, его близнецов Паша растерял. Квартира встретила пустотой, его вещи лежали на полках шифоньера, Янины вещи не было.

Паша полез в холодильник, нашел водку. В шкафчике под раковиной на кухне – картошку. Эти два продукта и составили его ужин. Вечер он провел у компьютера, читал новости, искал интересенький боевичок онлайн. Только нашел его, как уснул.

Утром принял душ, с тоской доел вареную картошку и вышел на улицу. Он собирался ехать к Яне.

Паша шел к остановке, не глядя по сторонам, потому что глядеть было особо не на что: промышленный район, куда он перебрался после продажи своей квартиры, представлял собой унылую картинку. Его, как из спичечных коробков, поставленных на попа, собрали из унылых панельных многоэтажек, хорошо еще, что архитектурный позор людей прикрыла деревьями природа, иначе тут каждый выл бы волком с утра и до вечера.

И вдруг взгляд Паши уперся в красный зад «мерседеса»-кабриолета.

Рядом прогуливалась Элли. Несмотря на свой скромный наряд – спортивные брючки и пуссер, – на фоне местных женщин она выглядела иноземно.

– Паша, ты сможешь со мной поговорить? – Она почти побежала к нему, а добежав, застыла как вкопанная. – У меня, кажется, неприятности. Ты очень мне нужен!

Отчего-то Пашке было трудно ей отказать.

Элли предложила поговорить в кафе, а по дороге передала Пашке свой разговор с Софьей Владимировной. Как только Паша ушел, потенциальная теща позвонила Элли, назвала ее похотливой старухой, велела покаяться в церкви и вернуть соблазненного мужчину его невесте. Софья Владимировна считала, что Элли удерживает жениха Яны деньгами и выпивкой. Она упомянула, что Яна находится в Курортном, потому что надеется на Пашино возвращение.

Комментировать заявление Яниной матери Паша не стал – какая ему разница, что она говорит? Однако было ясно, что Софья Владимировна пытается защитить дочь, а значит, дочь эта страдает. Он подумал, что попросит Элли добросить его до Курортного. Яне не стоило и дальше оставаться у матери, а их общая проблема нуждалась в скорейшем разрешении.

Элли выбрала кафе с летней площадкой, запрятанной во дворе ресторана. Она пожелала «Мохито», Пашка выбрал кофе покрепче.

– Итак?... – спросил он.

– Итак, вчера приезжал Никита, и ему тут же подбросили анонимку! – Она сделала большие глаза.

– И что в этой анонимке?

– В ней написано, что это я убила Артура.

– А кто сказал, что Артур убит? Он же покончил с собой.

– Никита сказал...

Закурив, Элли пообещала:

– Я покажу тебе эту анонимку, она у меня дома.

Сообразив, что от дома Элли он за полчаса доберется до Яны, Седов сел за руль красного «мерседеса», и они с Элли полетели по гладкой и горячей дороге в сторону Курортного.

Видя, что план ее работает, Элли совершенно успокоилась и стала щебетать: зря она плакала – развод практически не отразился на образе ее жизни. Никита подписал с ней договор о намерениях: он планировал оставить ей дом и гарантировал пожизненную выплату алиментов. Условие бывший муж выставил только такое: каждое лето дети должны приезжать к ней, и она должна о них заботиться.

– И для чего ему развод? – слюбопытничал Паша.

– Он женится, – фыркнула Элли. – Его невеста беременна двойняшками.

Седов заметил:

– Плодовит.

Элли плачет

В доме Элли Паша прежде всего осмотрел записку-анонимку и все компьютеры мажоров. «Я знаю, что Элли убила Артура» – таково было содержание кляузнического текста.

Найти нужный файл в памяти одной из машин он особо не рассчитывал: если документ просто набрали в редакторе, распечатали и следом уничтожили – он утерян навсегда, но если его сохранили, а потом переместили в папку «корзина», то шанс оставался. Впрочем, Паша знал, что ничего он не найдет.

Принтеров в личном распоряжении перцевских отпрысков не имелось, но Седов, в свое время организуя виртуальные сражения, наладил сеть внутри дома, и каждый мог направить со своего компьютера текст на печать. Единственный печатающий агрегат стоял в комнате экономки. Паша распечатал для образца набранный им самим текст и сравнил с бумажкой, которую принесла Элли.

Сомнений в том, что оба документа вышли из одного принтера, не было. Доказательством тому служила размазанная вертикальная полоса, свидетельствующая о том, что картридж принтера нуждался в обновлении.

– Анонимку написал кто-то из домашних. Записка начинается со слова «Я». Значит, автор – большой эгоист, – сообщил сыщик, улыбаясь чуть лукаво. – И если ты действительно не убивала, значит, писал еще и отъявленный врунишка. Заявляет, что «знает», а на самом деле не знает ни черта!

– Кто-то из детей?

– Кто-то из врунов и эгоистов.

– Они все вруны и эгоисты, – заключила Элли.

Седов неопределенно развел руками.

– Тебе не о чем волноваться, – сказал он. – Я обещаю, что полиция не обвинит тебя в убийстве Артура. Тем более что позаванной ночью мы с тобой вместе были в ресторане, а потом – здесь. Ну, я пойду!

– Нет! – взмолилась Элли. – Не оставляй меня сегодня одну! Дети ночуют у Никиты в его гродинской квартире, у Тамары выходной. Я тут с ума сойду!

Паша, не слушая ее, направился к воротам. Тогда Элли разрыдалась. Она выглядела несчастной и даже старой, чего никогда себе не позволяла, и Пашка, ругая себя последними словами, уступил.

В гостиной он по-хозяйски достал из бара бренди, сигары, вышел во двор и уселся перед бассейном встречать вечер. Элли расположилась на соседнем шезлонге.

– Почему ты столько лет оставалась женой Никиты Перцева? – спросил Паша. – У него было столько женщин, но он с тобой не разводился, почему? И почему сейчас решился на развод?

– А ты разве сам не заметил, что я необыкновенная женщина? – спросила Элли.

– Заметил, – не поддаваясь на ее кокетливый тон, ответил Паша.

– На эту тему, почему мужчины одних женщин бросают, а других – нет, можно книги писать. В моем случае ключевое слово – «равнодушие».

– В смысле?

– Я выходила замуж за Никиту просто потому, что так было лучше. Мне было тридцать, я была в разводе, работала декоратором в Гродинском академическом, получала копейки. От тоски стала пить. Частенько – прямо в театральном буфете, хоть это было и недешево. И вот я, пьяная, сижу с умным видом, чтобы не казаться самой себе жалкой, а тут подходит мужчина и говорит: хватит вам пить, лучше родите-ка мне дочку!

Она рассмеялась, то ли язвительно, то ли жалобно.

– А я его послала! Иди, говорю, отсюда. Сам себе дочку рожай! Но он не обиделся, а присел рядом, стал объяснять: «Да я серьезно, собираюсь жениться, нечего смеяться.» Проводил домой, взял номер телефона, позвонил на следующий день...

Элли поправила локон над ушком, улыбнулась, глядя в окно.

– Никита – это не человек, а паровоз, локомотив. Остановить его, если ему чего-то надо, невозможно. Он возьмет свое. Не мытьем, так катаньем. И в итоге – я вышла за него замуж! Я даже пить бросила. Временно... Родилась Наташка. Мы жили вполне нормально, денег с каждым днем становилось все больше, уехали в Москву. Я знала, что у него были женщины, знала даже, что есть и внебрачные дети, но какое мне до них дело?!

– Но сейчас-то он хочет развода!

– Никита стареет, – небрежно пожала плечами Элли, будто такие вещи, как старость, к ней отношения иметь не могли. – Ему нужна рядом женщина, которая бы о нем позаботилась. Он знает, что я к нему равнодушна, что мне будет противна его старость, несмотря на все мое к нему уважение и благодарность. А молоденькая телочка из простой семьи, полужена-полуприслуга – самое то. И двойняшки – для Никиты это сильный аргумент!

Они сидели у бассейна до ночи. Седову наконец-то за последние дни удалось достичь нирваны – алкоголь подействовал, затуманил мысли, сделал мир добрее.

Элли перебралась к нему на шезлонг, пристроилась рядом – теплая и удобная для обхвата одной рукой. Она положила ноги на Пашино бедро, склонила голову ему на ключицу.

Указав рукой в звездное небо, сказала:

– Мне страшно из-за того, как они на меня смотрят.

Седов обнял ее крепче. Засыпая, он почему-то подумал о том, что вот так же в небо смотрел мертвый Артур с моста...

Пью за любовь мою!

Утром Пашку разбудил автомобильный сигнал. Элли, вопреки своим традициям, еще спала. Ближе к утру Паша перенес ее в постель, сам не раздеваясь бухнулся рядом.

Не выдержав резких звуков, Седов встал с кровати, вышел из дома и направился к воротам. Выглянув в калитку, увидел огромный черный микроавтобус, возле которого стоял высокий старик. Вид у старика был сердитый, и Седов угадал в нем человека-паровоза из вчерашнего рассказа Элли.

В окнах микроавтобуса виднелись хорошо знакомые лица мажоров, слышались их возмущенные голоса – резкие девичьи и басистые мальчишечьи.

– Павел Петрович, открой нам! – завопила Наталья, увидев мамину секс-игрушку.

Пашка наморщил нос – ее голос просто вонзался в мозг.

Он кивнул прибывшим, ощутив на себе тяжелый взгляд старика. Поднялся в будку охранника. Уже на ступеньках стал догадываться, что Илюша либо отсутствует, либо с ним что-то не ладно. Осторожно, локтем, открыл дверь, вошел и увидел охранника, свернувшегося калачиком на полу.

Опустившись с ним рядом, Паша поискал на крепкой загорелой шее парня яремную вену. Пульсации не ощутил, кожа Ильи была прохладной.

Тем временем за воротами снова засигналили. Паша огляделся, нашел пульт управления механизмом створок и нажал на красную кнопку. Увидев в окно, что створки начали разъезжаться, вернулся к телу.

Илья был одет в штаны цвета хаки и майку-борцовку. Ран и синяков на лице, шее и руках парня не было. Возле ног стоял почти пустой стакан. Пашка встал на четвереньки и обнюхал его. Стакан пах алкоголем. Благодаря своему алкогольному опыту сыщик легко определил вид напитка: водка. Недорогая, но не паленая. Он заглянул под диванчик охранника, там лежала бутылка местной водки – «Горской». Она была почти полна, парень выпил около пятидесяти граммов.

Седов встал. Прямо перед ним на диване лежал раскрытый томик Шекспира.

... На камни ли подводные направь
Ладью, избитую волнами моря!
Пью за любовь мою!..

Прочитав эти три строки, печально усмехнулся, позвонил в полицию и вышел во двор. На ступеньках почти столкнулся с высоким стариком.

– Что тут творится? – спросил тот низким глубоким голосом привыкшего командовать человека.

– И вам – здравствуйте! – ответил Паша.

– Здравсте! – Старик будто ругнулся этим словом. – Ты охранник?

При ближайшем рассмотрении старик не выглядел таким уж старым. Возраст ему прибавляли сутулость и седина, но лицо Перцева не было морщинистым, а глаза сохраняли молодой блеск.

– Павел Седов, – представился отставной сыщик. – Охранник ваш мертв. Самоубийство на почве несчастной любви. Вам, как отцу, я скажу, что Илья был влюблен в Ульяну. О чувствах Ульяны спросите у нее самой.

Не ожидая от Перцева ответа, Паша соскочил со ступенек и направился в спальню Элли – попрощаться. Он делал это из чистой вредности, ибо мог спокойно удалиться и по-английски, Элли бы не обиделась.

Она уже проснулась, переделась в спортивную одежду, намереваясь приступить к зарядке.

– Перцев тут, а я уехал, – сообщил ей Пашка.

Она подбежала к нему и обняла.

– Не забывай меня, – попросила она. – Я совсем одна, моя жизнь...

– Слушай, тут у вас кое-что произошло.

Он рассказал ей о смерти Ильи. Обычно равнодушная к чужим бедам, Элли неожиданно расстроилась.

– Бедный мальчик. – Она села на диван, ссутулилась. – И как я расскажу его маме об этом? Я же знаю его мать, в одном классе учились. Я и взяла Илюшу на работу к нам.

Она печально покачала головой, на ее глазах выступили слезы.

Теперь уже Паша привлек к себе Элли, поцеловал в макушку.

В этот момент в спальню вошла Наталья.

– Постеснялись бы! – усмехнулась девушка. – При живом-то муже!

Пашка отпустил ее мать, подмигнул дочери и ушел. Он отправился к Яне, на этот раз – бесповоротно.

Предложение, от которого нельзя отказаться

В доме потенциальной тещи Яны не было. Пашка встретил лишь недружелюбную Софью Владимировну, ее упреки и весьма недобрые пожелания, высказанные ему вслед. Имя Элли произносилось чуть ли не через слово, проклятия в ее адрес не иссякали. Что же касается предстоящего появления на свет младенца, Софья Владимировна заявила: она не подпустит к нему такого отца, как Пашка. На этой фразе Павел Петрович закатил глаза – мать невесты начинала его раздражать.

Несмотря на весь свой дознавательский опыт, от Софьи Владимировны сыщику удалось узнать только то, что Яна уехала на море с подругой, а когда вернется – неизвестно. Выходило, что его отчаянная решимость начать новую жизнь с любимой женщиной, в ожидании наследника, была не нужна. Паша ощутил себя как в студенчестве, когда приходишь на экзамен, а его вдруг перенесли.

На автостанции он купил пирожок, которым поделился с нахальной рыжей собакой. Псу досталось все псевдомясо, а Паше – жареное тесто. Бутылка пива восполнила недостаток калорий. В полупустой маршрутке Седов спал до самого Гродина.

А у ступенек дома его поджидал человек в светлых штанах и темных очках.

– Павел Петрович? – уточнил он.

– Да.

– Я должен отвезти вас на встречу с Никитой Львовичем Перцевым.

– Боже, дайте мне хоть переодеться и поесть!

– Никита Львович приглашает вас на обед. Я подожду, пока вы переоденетесь.

Меньше всего на свете Пашке хотелось пойти на обед к Никите Львовичу – у него имелись предположения, что приглашен он в качестве первого блюда.

Но бежать оказалось невозможно: тип в светлых штанах снял очки и последовал за Пашкой в его квартиру, а там встал у выхода на все то время, пока Седов плескался в душе и переодевался.

Затем тип доставил рыжего сыщика в гродинский ресторан «Центральный».

– Павел Петрович, рад вас видеть! – приветствовал Никита Перцев гостя.

Его радушие показалось Седову неожиданным, но вполне искренним.

– А я и не знал, что вы – это вы!

– В смысле?

– Ну, утром, – напомнил он. – Решил, что вы – один из охранников, а когда кинулся – вы уже удрали! Быстрый и хитрый, так?

– Все рыжие такие, – осторожно сказал Пашка, присаживаясь за обильно накрытый стол.

– Серьезно? – обрадовался шутке Перцев.

Ох, как отличался он от того утреннего недоброго старика!

– Я ведь о вас справки навел, – сообщил Никита Львович, наливая в рюмку, стоящую перед Пашей, водочки из запотевшего графина.

Увидев водку, Седов понял, что Перцев не шутит.

– Ну, – Никита Львович поднял свою рюмку, – выпьем за встречу!

Они выпили, Паша закусил водку бужениной.

Перцев почти не ел, произнес второй тост (за начало разговора), нацепив на вилку маслинку.

– Так вот, Павел Петрович, – сказал он, – я объяснюсь. У меня к вам нет претензий – мы с Элли разводимся, она имеет право на небольшие радости.

– В качестве небольшой Эллиной радости я уже неактуален.

– Чего? – не понял Никита Львович.

– Мы тоже расстались.

– О как!

Паша рассмеялся, надеясь теперь удрать.

– Ну, это не так уж важно, – испортил его настрой Никита Львович. – Вы же в курсе моего несчастья?

– Да.

– Ну и вот... – Тут Пашин собеседник посерьезнел. Получалось, что под весельем он прячет глубокую боль. – Полицейские сказали, что мой сын покончил с собой, но это не так. У него жена беременная, стал бы он себя убивать?...

Глотнув водки, Седов пожал плечами. Перцева это не смутило.

– Я хочу расследовать его смерть. Артур – мой первенец, благодаря ему я понял, что значит иметь детей!

– Ну так объясните это следователям! Пусть проведут новые экспертизы, проверят все его встречи-знакомства.

– Мне нужно частное расследование, полицейские мне докладываться не будут, а я привык все контролировать.

– Знаете, – пояснил Паша, – оно и хорошо, что не будут вам докладываться. Доверьтесь им. Витя Калачев – мой хороший друг, он найдет вам убийцу.

– Он не мне найдет убийцу, – возразил Перцев ожесточенно, – а государству. Будет суд, а смертной казни нет. Какой в этом смысл?

– Я не буду искать убийцу, чтобы вы его потом казнили, – отказался Седов.

– Почему?

– Потому что я не знаю мотивов убийцы, если таковой имеется. Не буду говорить о вашем сыне, но частенько убитые сами виноваты.

– Вот и я о том! – попытался перевести разговор на другие рельсы Перцев. – Поймать убийцу и наказать! Вы заработаете немало денег.

– Ладно, я пойду. – Паша встал. – Позвольте мне заплатить за мой обед.

– Ни за что, – возразил Перцев. Он ничуть не обиделся. – Вы мой гость. И Яна ваша – мой гость. У меня есть дача на берегу Азовского моря, она согласилась там пожить. Вы можете позвонить ей, поговорить...

Сначала Седов помертвел, потом чувство реальности стало возвращаться. Его колени подогнулись, он плюхнулся на свое место за столом, припомнил слова Элли: «Никита – это не человек, а паровоз!»

– Да вы с ума сошли! – выкрикнул он. – Это же похищение!

– Есть люди, которые вас отрекомендовали. И я сам видел, как вы разобрались с самоубийством охранника.

– Да тут бы и тетя Дуся уборщица разобралась!

– А анонимка про Элли? Кто ее написал, вы ведь знаете!

– Не знаю.

– Не врите. Я-то видел, кто это сделал, так что можете уже не лицедействовать!

Он раскрыл перед Пашей ладонь, предлагая назвать имя.

– Элли, – нехотя сказал Седов. – Она хотела меня удержать, и я не мог отказать.

– Вот видишь! Тебя мне судьба привела! Я и о поджогах церквей в Гродине знаю, и о приморском душителе, и о секте «Чистота»...

– Ну хватит! – Пашка стукнул по столу ладонью, отчего ложки и вилки звякнули в тарелках. – Все это случайные дела, меня втягивали.

Перцев оперся на стол. Морщины на его лице, обычно едва заметные, углубились, взгляд стал тяжелым, как бетонная плита. Его слова, произнесенные отрывисто и тихо, имели еще больший вес.

– Вот и я. Втягиваю.

Стиснув челюсти, Седов ждал, пока ярость прекратит пережимать горло и он сможет начать говорить. Наконец произнес:

– Я согласен, при условии, что завтра Яна будет в Гродине, рядом со мной. И в том случае, если я не найду убийцу, она не пострадает.

Человек-паровоз улыбнулся.

– Я не убийца, просто ты должен понимать, что я всегда получаю свое. Качество работы буду стимулировать рублем.

– Деньги свои... засунь!

Рассмеявшись, Перцев почесал нос:

– Мне говорили, что ты с прибабахом, а я не верил. Поехали покатаемся!

Проект Перцева

Перцев водил БМВ, серый внедорожник. Водил, как заметил Пашка, с большим удовольствием. Казалось, за руль он садится вовсе не для того, чтобы попасть из точки А в точку В, а потому, что за рулем ему легче дышится.

Внедорожник покинул пределы города и устремился по дороге, ведущей к Курортному.

– Моего сына убили неслучайно, – начал Перцев. – Я стою на пороге большого дела. Огромнейшего! Хочу возродить то, что сделал мой дед. А мой дед построил железную дорогу из Гродина в Туапсе. Знаешь, что перед самой революцией была построена такая железная дорога?

– Знаю, – откликнулся Паша.

Он вдруг припомнил, что Элли говорила: ее муж возвращается в Гродин по делу, строить какую-то дорогу.

– Мой дед был, так сказать, продюсером строительства. Собрал купцов-зерновиков, землевладельцев, которые хотели бы зерно за границу по хорошей цене продавать, банкам тридцать пять процентов акций продал, а часть распродал богатым крестьянам, предпринимателям, которые собирались вдоль дороги на станциях открыть магазины, постоянные дворы. Железная дорога в то время считалась символом прогресса, и это были не пустые слова! Никогда Гродин не стал бы тупиковым городом, если бы была у нас та железная дорога! Мы бы процветали...

– Дальше я знаю, – поторопил его Седов. – Поручили дорогу в восемнадцатом, а восстановление сочли нецелесообразным.

– Мой дед обивал пороги и у кабинетов новых чиновников – от народа. Но они его слушать не хотели, им Малогрязнушкинская жэдэ была не нужна!

Кондиционер в машине работал исправно, но на лбу внука известного предпринимателя выступил пот.

– И теперь вы решили взяться за этот проект, – направил мысль собеседника по выпрямленному пути Паша. Эмоции Перцева его не интересовали.

– Да! – воскликнул тот. – Гродин будет крупнейшей столицей юга России! Мы станем продавать сельхозпродукцию за рубеж, ввозить все необходимое для строительства, для торговли во много раз быстрее и дешевле, чем прежде. У нас начнется всеобщее процветание! Тут-ту! – изобразил он гудок локомотива и запыхтел уютно: – Чух-чух, чух-чух!

Седов рассмеялся и пробормотал:

– Нью-Васюки, в общем.

Собеседник его не расслышал.

– Мой проект восстановления – это дело моей жизни! Я хочу вернуть нашему городу утраченные возможности. Я пробил этот вопрос в Москве – в Министерстве транспорта, в Министерстве экономики проект читали, обещали даже помочь! Мне нужно только местных поднять, заинтересовать руководство области, ну и денег найти, ибо смета на строительство преогромная.

– И вы для начала прислали сюда Артура, – подсказал Седов.

– Да, верно. Мать Артура родом из известной здесь семьи, она умерла, но дед моего сына богатый и влиятельный человек. Он мог бы наладить кое-какие связи. Эх, я дурака сваял, что на Альбине не женился! Был молодым эгоистичным идиотом. Мы встречались, она сказала, что беременна, а я ей – иди, аборт делай! Дурак. Она, конечно, не убила ребенка, а к отцу пришла. И отец ее стал гнобить: гуляющая, в подоле принесла! Я не знал, бизнесом занимался, процветал. Потом мне друзья рассказали об Артуре, я приехал в Гродин, увидел его и обалдел! Он такой был крепенький, мужественный, хоть и малыш. Тогда я стал просить Альбину выйти за меня, но она не захотела. Я укатил работать в Новороссийск, вернулся, а она уже с собой

покончила. Из-за отца. Артура тогда мне не отдали, а когда ему пришло время в институт поступать, я предложил свою помощь. Он приехал ко мне в Москву, поступил, отучился и со мной остался. И дед сильно обиделся, что Артур к нему не захотел возвращаться, мальчику в тупиковом Гродине было тесно. Со временем старый пень размягчился, стал приглашать внука в гости. И вот Артур приехал, а потом...

Он смолк, но Паша, наморщив веснушчатый нос, закончил фразу:

– Его находят на одном из мостов той самой железной дороги, которую вы хотите восстановить, мертвым. Из чего вы делаете вывод: вашего сына убили враги вашего проекта. Убили демонстративно, положив тело в таком месте, чтобы вы не усомнились в их намерениях.

– Да, – коротко согласился Перцев, едва разжимая губы. – Вот только кто эти враги? Как их искать? Я же тут никого не знаю. С прежних времен, когда я в Гродине бизнес начинал, знакомых почти не осталось.

БМВ съехал с трассы, прокатился по гравийке, свернул и с нее – в небольшую степную ложбину. Тут Седов и увидел цель их с Никитой Львовичем путешествия: Немецкий мост.

– Вот он, красавец! – воскликнул Перцев. – Всего от Малогрязнушки осталось около двадцати всяких кусочков, я их все с Артуром обошел.

Машина остановилась на пологом склоне. Выбравшись из салона, Паша с Перцевым на миг захмелели от ароматов степи. Запах трав, еще сочных в начале лета, свежий воздух, которого очень много, – от края и до края, от земли и до неба, смешивались в крепкий коктейль.

– До своих шестидесяти годочков я о Немецких мостах почти ничего не знал, – сказал Никита Львович. – Дед умер до моего рождения, отец погиб на войне, а других родственников судьба разбросала кого куда! Моя мать, в отличие от папы, была теткой совсем простой. Красивой, но простой. Она не придавала значения тому, что мой дед по отцовской линии был таким значимым в области человеком. Они ее не любили – свекор со свекровью, считали, что отцу эта курица не пара. И вот три года назад я случайно узнал про Малогрязнушкинскую жэдэ, узнал, что мой дед ее строил. Решил посмотреть, что от нее осталось. И боже ж ты мой! – Перцев чуть не захлебнулся от воспоминаний. – Я тогда чуть с ума не сошел! Это же такая машина была, такая громадища – для наших-то мест! А красота!

Седов смотрел на Немецкий мост, поражаясь тому, как мало он похож на своего собрата в лесу под Курортным. Если бы ему показали эти два моста и спросили, в какое время они построены, то лесной мост Паша отнес бы к началу XX века, а вот этот – к семидесятым годам того же столетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.